

Германский исторический институт
в Москве

«Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»

*К проблеме адаптации
западных идей и практик
в Российской империи*

Ответственный составитель

А. В. Доронин

Москва
РОССПЭН
2008

«Рабы» и «граждане» в Российской империи XVIII в.

Объективные закономерности исторического развития России определили доминирующую роль государства практически во всех сферах жизни общества — политической, экономической и, наконец, идеологической. Не случайно данная проблематика остается ключевой в работах ученых, научные поиски которых ведутся преимущественно в следующих тематических плоскостях: «монархия — сословия», «самодержавие — подданные», «власть — индивидуальность». Однако, несмотря на многочисленность исследований, посвященных данным сюжетам, наиболее разработанными остаются проблемы сословного законодательства, с одной стороны, и имиджа императора в сознании современников — с другой. Меньшее внимание уделяется в историографии иному вектору взаимоотношений монархии и общества: официальным представлениям о социальной иерархии населения. В данной работе речь пойдет об образе подданных в восприятии престола и той терминологии, с помощью которой выстраивались и функционировали отношения власти и личности в России XVIII века.

К концу XVII столетия социальная иерархия общества следующим образом отражалась в высочайше заданном «понятийном аппарате» прошений на высочайшее имя: представители податного населения должны были подписываться «сирота твой», духовенства — «богомолец твой», а служилым людям следовало именовать себя «холоп твой»¹. Традиционно со времен «Русской правды» холопом считался человек несвободный, «крепкий земле и господину, дворовой, либо купленный раб»². В русском языке бытовали понятия «кабальный», «полный», «обельный», «докладной» холоп. Однако наряду с определениями, отражающими путь к несвободному положению, данное понятие использовалось для наименования приближенной к верховной власти знати. Таким образом, в XVIII столетии понятие «холоп» приобрело двоякое и даже внутренне конфликтное значение: с одной стороны, это наименование носили закабаленные люди, часто близкие по своему положению к рабам, с другой, оно адресовалось политической

¹ См.: Волков С. С. Лексика русских челобитных XVII века: формуляр, традиционные этикетные и стиливые средства. Л., 1974. С. 48–49.

² Даль В. И. Толковый словарь живого русского языка. СПб.; М., 1882. Т. 4. С. 559. См. также, напр.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1903. Т. 3. Ст. 1384–1385; Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб. 1822. Ч. VI. Ст. 1171–1172.

элите общества и потому воспринималось как весьма престижное. В посланиях на имя монарха представители низших социальных слоев, пытаясь самовольно повысить свой статус, нередко вместо «сирот» подписывались «холопами». Именно этот факт и побудил Петра I в декабре 1700 г. запретить «не по чину» именовать себя в посланиях царю. В «памяти», направленной из Ратуши в Брянск «Земским Таможенникам и кабацким Бурмистрам», которая, как и многие акты казуального российского законодательства XVIII в., непосредственно касалась всего непривилегированного населения, говорилось: «Изо многих городов земские и таможенные и кабацкие Бурмистры к Великому государю пишутся в отписках *холопами*, которых чинов наперед сего писались *сиротами*; и буде впредь кто станет так писаться, и за то учинено будет наказание»¹.

Действие этого акта оказалось недолговечным — уже 1 марта 1702 г. формуляр посланий монарху был изменен именным указом Петра «О форме прошений, подаваемых на высочайшее имя»: «На Москве и во всех городах Российского царства Царевичам и Боярам и Окольным и Думным и Ближним и служилым и иноземцам и купецким и чернослободским и всякого чину людям писать в челобитных, Свою Государскую честь, новым изложением, в начале: *Державнейший Царь, Государь Милостивейший*, и потом писать дело, а перед прошением, вместо милосердного *Всемилоостивейший Государь прошу Вашего Величества* и потом прошение, а по прошении совершить *Вашего Величества нижайший раб* и под тем писать челобитчикам имена свои с прозванием и месяц и число и год; а по прежнему обыкновению в челобитных Его Царского Именования Титл не писать. И сей Свой Великого Государя Именной указ в Судном Московском приказе записать в книгу»².

Это решение об изменении формуляра прошений подчинялось стратегии монарха и общей атмосфере политической жизни России первой четверти XVIII в. Единое наименование для всего населения, находящегося под юрисдикцией монарха, соответствовало идеалу «регулярного», «политизированного» государства, к которому должно было стремиться «обученное и исправленное» Петром Отечество³. Унифицированной для всех челобитных на высочайшее имя формой подписи, по всей видимости, могло стать и понятие «холоп», однако был выбран другой, хотя и достаточно близкий по смыслу термин, — «раб». Подобное решение, на мой взгляд, прямо или косвенно мотивировалось целым рядом обстоятельств. Во-первых, сохранение наи-

¹ ПСЗ. Т. IV. 1700. № 1819. С. 91.

² ПСЗ. Т. IV. 1702. № 1899. С. 189.

³ См.: Пекарский П. П. Наука и литература при Петре Великом. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862. Т. I. С. 27; Benz E. Leibniz und Peter der Grosse: der Beitrag Leibnizens zur russischen Kultur-, Religions- und Wirtschaftspolitik seiner Zeit. Berlin, 1947.

менования «холоп твой» и признание его обязательным для авторов прошений, вне зависимости от их статуса и чина, неизбежно распространяло на все население официальное обращение, адресованное лишь знати. Во-вторых, понятие «холоп», как уже отмечалось, имело в глазах современников одновременно и уничижительное, и престижное значение и было тесно связано с историческими реалиями русской жизни. Петр остановился на более книжном, литературном термине «раб», которое не являлось столь исторически ассоциативным и не совпадало со словом *chlōp* («мужик», «крестьянин») соседней Польши, откуда в XVII — начале XVIII в. шло особенно сильное лингвистическое влияние¹.

Объединение населения страны наименованием «раб» в отношении верховного правителя означало терминологическую фиксацию роста самодержавной власти и увеличение дистанции между престолом и подданными. В свою очередь, официально заданная единая подпись в челобитных на высочайшее имя не могла не воздействовать на сознание авторов, которые поголовно по царскому указу теперь именовались «рабами». Общий для всех формуляр «Вашего Величества низжайший раб» в конечном счете способствовал дальнейшей унификации общества, в котором главным объединяющим символом был образ самодержца. Терминология прошений и отражала, и стимулировала сакрализацию личности монарха в русском общественном сознании, что, кстати, подтверждает и смысловое наполнение некоторых русских пословиц: «раб Божий всякий человек», «пред Богом все рабы». Главный идеолог петровского царствования архиепископ Феофан Прокопович не раз объявлял Петра «министром Всевышнего», через «державнейшее» посредничество которого получает народ милость Божию, и напоминал, что «противляться властям» означает «противиться Богу самому»². В данном контексте понятие «раб» было практически лишено уничижительного значения³. В России XVIII в., где служба монарху возводилась в ранг важнейшей мировоззренческой ценности, роль «слуги царя» столь же возвышала подданного, как смирение «раба Божьего» украшало праведника.

Анализ прошений на высочайшее имя после 1702 г. свидетельствует о том, что новый формуляр и, в частности, подпись «Вашего Ве-

¹ См.: Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994. Т. II. С. 348–349.

² Феофан Прокопович. Сочинения. М.; Л., 1961. С. 91, 115, 124.

³ Не случайно в немецко-русском словаре XVII в. понятие «раб слову Божию» переводится как *Diener des Wortes Gottes* (буквально — служитель Божьего слова), а собственно слово «раб» передается терминами *Knecht*, *Lackey* (буквально — слуга, лакей). См.: *Teutscher, und Reussischer, Dictionarium. Das Wiener deutsch-russische Wörterbuch*. Berlin, 1984. S. 127, 302, 314. Приношу благодарность проф. Х.-Х. Нольте за предоставленную по этому вопросу информацию.

личества нижайший раб» легко был усвоен челобитчиками и быстро перешел в разряд автоматически воспроизводимых штампов¹. Официально заданное наименование подданных сохранялось и неоднократно подтверждалось вплоть до 1786 г., т. е. до указа Екатерины II «Об отмене употребления слов и речений в прошениях на Высочайшее имя и в Присутственные места подаваемых челобитен». В императорском повелении, объявляемом «во всенародное известие», изменялась идентификация самого факта обращения к монарху и название послания: «Отныне впредь, вместо подаваемых до сего на имя Ее Величества *челобитен*, как к Ее Величеству, так и в Присутственные места по исковым и другим делам, писать жалобницы или прошения, в коих после титула Ее Величества *бьет челом*, ставить: *приносит жалобу*, или *просит имярек*». Кроме того, принципиально трансформировалась словесная форма выражения зависимости автора послания от престола: «В присылаемых же к ее величеству письмах и реляциях или донесениях, по окончании оных, вместо *всеподданнейшего раба*, подписывать просто: *всеподданнейший*, или *верный подданный*; а равным образом в патентах, присяжных листах и во всех прочих бумагах, где до сего слово *раб* включается было, вместо онаго употреблять имя: *подданный*»².

Безусловно, основной смысл указа кроется в запрете на использование во всех официальных бумагах понятия «раб» в качестве наименования, характеризующего отношения личности и престола. Императрица пошла на запрет ставшего условным трафарета, подобно Петру, никак не комментируя свое решение. Логично, однако, было бы предположить, что в данном случае ученица Вольтера следовала риторике Просвещения, отдавая на сей раз должное гуманистическому учению не только в письмах философам, но и в указе, подлежащем исполнению. По всей видимости, стремлением к просветительской стилистике можно объяснить и искоренение архаичных уничижительных формул «челобитная», «бить челом»³ и замене их на производные от «просить», «жаловаться», «приносить жалобу» и т. п. Подпись же «верноподданный раб», согласно указу, трансформировалась в посланиях на высочайшее имя в понятие «верный подданный». Подобный терминологический выбор власти стал лаконичным выражением провозглашенного и узаконенного изменения официальной концепции отношений престола и личности, а также импульсом для развития института подданства в российском обществе и дальнейшего осмысления этого понятия.

¹ См., напр., письма Ф. М. Апраксина Петру, в: РГАДА. Кабинет Петра Великого. Ф. 9. Отд. II. Кн. 11. Л. 25–26, 38–39; Handschriftenabteilung der Göttinger Universitätsbibliothek, 2* Cod.Ms. Asch 171 Beil.

² ПСЗ. Т. XXII. 1786. № 16329. С. 534.

³ См. об истории термина: Пое М.Т. A People Born to Slavery. P. 210–211.

Понятие «подданный» пришло в русский язык из латинского (*subditus*) через польское влияние (*poddany, poddactwo*)¹. В XV–XVI вв. этот термин наиболее часто употреблялся в значении «подчиненный, зависимый, покоренный» при описании взаимоотношений монарха и населения зарубежных государств. Лишь с XVII столетия слово «подданный» начинает активно использоваться для характеристики «подверженности» жителей Московской Руси власти царя и приобретает другой смысловой оттенок, выражающийся в понятиях «преданный, верный, покорный»². В XVIII в. эти два нюанса значений термина «подданный» сохраняются, причем последнее становится все более общеупотребительным, пока не превращается в устойчивую часть этикетной подписи «верноподданный раб» в посланиях на высочайшее имя.

Законодательство XVIII столетия, особенно второй его половины, свидетельствовало об усложнении официальной трактовки института подданства и все более интенсивном использовании властью этого понятия в качестве орудия социального контроля. Терминологический анализ исходящих от престола документов обнаружил дифференцированное отношение к подданным империи: абсолютизм Екатерининского царствования различал «старых», «древних», «природных» и «новых» подданных, кроме того, «беглых», «ушедших из страны» подданных и «иностранцев, присягающих на российское подданство», «временных» и «постоянных» подданных, в официальных текстах также упоминаются «надобные», «полезные», «просвещенные», «истинные» верноподданные, и, наконец, признается существование «знатных» и «низких» подданных. Главной референтной группой для власти были, разумеется, «знатные подданные», что распространялось, в частности, на немногочисленную элиту «иноверцев» и населения присоединенных территорий, так называемых «новых подданных».

Данная позиция власти отразилась в указе от 1765 г. «О неподавании прошений», где выделяются три основные группы «подданных»: «имеющие чин», «не имеющие чинов, а благородные», и, наконец, «не имеющие чинов и неблагородные». Соответственно и в книге «О должностях человека и гражданина» давалось определение понятию «подданный» и выделялось несколько его официально задаваемых градаций: «Подданы[ми] называются все находящиеся в государстве люди, кои Государю или правящим особам повинуются. Подданные суть различного состояния; иные из них *знатные*, иные же *низкие*. Между *низкими* есть свободные люди; есть же и такие, кои господам службою, некоторыми податями и иными различными образами обязаны... *Знатные подданные* государства суть те, кои имением своим, просвещением и способностями от других отменны; а отличаются они не токмо

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т. III. С. 296.

² См., напр.: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1995. Вып. 20. С. 248; Словарь русского языка XVIII в. Л., 1988. Вып. 4. С. 147–148.

высокими названиями, но и тем, что к службе государства различными образами употребляются»¹.

В русском языке XVIII в. существовал еще один термин — «гражданин», выражающий взаимоотношения государства и личности и встречающийся в законодательстве, публицистике, а также в художественной и переводной литературе. На основании словарей XVIII в. можно было бы сделать вывод, что первоначальное значение слова «гражданин», подразумевающее жителя города (града), сохраняло свою актуальность и в рассматриваемое время². Однако в данном случае словари отражают более раннюю языковую традицию. Не случайно в «Грамоте на права и выгоды городам Российской империи» 1785 г. жители городов именуются не просто «гражданами», а «верноподданными гражданами городов наших», которые по терминологии официальных документов Екатерининского царствования объединялись в неопределенную по своему социальному составу группу «в городе живущих», включающую «дворян», «купцов», «именитых граждан», «среднего рода людей», «городских обывателей», «мещан», «посадских» и т. д.³ Показательно, что Павел I с тем, чтобы выхолостить из понятия «гражданин» все в той или иной степени опасные для самодержавия смыслы, вынужден был волей императорского указа возвращать содержание этого термина к своему первоначальному значению. В апреле 1800 г. приказывалось не употреблять слова «гражданин» и «именитый гражданин» в донесениях на высочайшее имя, а писать «купец или мещанин» и соответственно «именитый купец или мещанин»⁴.

В Новое время термин «гражданин», исторически связанный во всех языках романо-германской группы с понятием «горожанин» (*Bürger, Stadtbürger, citizen, citoyen, cittadino, ciudades*), также утрачивал свое исконное значение. Это так называемое расхождение между семантикой слова и его этимологией фиксировалось как современниками, так и исследователями последующих поколений⁵. Однако тот

¹ О должностях человека и гражданина. С. 349.

² См.: Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 1. Ч. 1. Ст. 577; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) М., 1989. Т. II. С. 380–381; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 117–118; Словарь Академии Российской. Ч. I. Ст. 1234.

³ См., напр.: ПСЗ. Т. XX. № 14490. С. 403; Т. XXXIII. № 17006.

⁴ Русская старина. 1872. Т. 6. № 7. С. 98.

⁵ См., напр.: Dictionnaire universel François et latin vulgairement appelé dictionnaire de Trévoux. Paris, 1771; Féraud J.-F. Le Dictionnaire critique de la langue française informatisé. Tübingen, 1994; Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Stuttgart, 1972. Bd. I. S. 672–725; Lexikon der Aufklärung. Deutschland und Europa. München, 1995. S. 70–72; Будагов Р. А. Развитие Французской политической терминологии в XVIII веке. М., 2002. С. 102–106; Preu U. K. Citizenship and the German Nation // Lineage of European citizenship: rights, belonging, and participation in eleven nation-states. NY, 2004. P. 22 и др.

факт, что новое понимание взаимоотношений власти, общества и личности в монархических государствах выражалось именно через понятие «гражданин» имело свою историческую закономерность. По всей Европе горожане были самой независимой частью населения. С.М. Каштанов справедливо замечает, что и на Руси «более свободный класс подданных формировался в XVI–XVII вв. в городах»¹.

Важнейшим этапом углубления смыслового значения понятия «гражданин» в русском языке второй половины XVIII в. стал «Наказ» Уложенной комиссии, в котором только этот термин, без учета таких выражений, как «гражданская служба», «гражданская свобода» и т. п., встречается более 100 раз, в то время как упоминаний слова «подданный» насчитывается лишь 10. Для сравнения следует отметить, что в законодательных актах второй половины XVIII в. это соотношение выглядит приблизительно как 1 к 100 и свидетельствует о достаточно редком употреблении понятия «гражданин» в официальных документах рассматриваемого периода. В «Наказе», лишенном жестких регламентирующих функций и основанном на трудах Монтескье, Беккариа, Бильфельда и других европейских мыслителей, возникал абстрактный образ «гражданина», имеющего в отличие от «ревностного российского подданного» не только обязанности, но и права. «Имение, честь и безопасность» этого отвлеченного социального субъекта, проживающего в некоем «благочудном умеренности наблюдающем государстве», охранялись одинаковыми для всех «сограждан» законами². Гигантское расстояние между социальной утопией «Наказа» и реальностью не умаляет, тем не менее, принципиального воздействия юридических штудий императрицы на образ мыслей образованной элиты. Сам факт присутствия в документах, исходящих от престола, пространных рассуждений о «гражданской вольности», «равенстве всех граждан», «спокойствии гражданина», «гражданских обществах» и т. п., подспудно стимулировал усложнение смыслового содержания этих понятий в языке и сознании современников.

Контекст употребления понятия «гражданин» в официальных текстах обнаруживает всю специфику его смыслового содержания в русском политическом языке XVIII в. Обращает на себя внимание полное отсутствие конфликтного противопоставления терминов «гражданин» и «подданный». В книге о «Должностях человека и гражданина» в обязанности каждого вменялось «твердо уповать, что повелевающие ведают, что государству, подданным и вообще всему граж-

¹ Каштанов С. М. Государь и подданные на Руси в XIV–XVI вв. // *Im memotiam. Сборник памяти Я. С. Лурье*. СПб., 1997. С. 228.

² «Равенство всех граждан, — гласил «Наказ», — состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам». См.: *Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения* / Под ред. Н. Д. Че-чулина. СПб., 1907. С. 1–2, 7–9, 14–15, 24, 27–28, 102.

данскому обществу полезно»¹. В законодательстве о «гражданине» упоминалось, как правило, лишь когда в именных указах императрицы цитировался «Наказ»² или когда речь шла о «состоянии граждан Республики Польской, отторгнутых от анархии и перешедших во владение Ее Величества» на «правах древних подданных»³. В общественной публицистике нередко были случаи прямого отождествления понятий «гражданин» и «подданный». Так Новиков полагал, что в учении розенкрейцеров нет ничего «противного христианскому вероучению», а орден «требуется от своих членов, чтобы они были лучшими подданными, лучшими гражданами»⁴.

Подобное словоупотребление свидетельствовало, прежде всего, о том, что в середине XVIII в. и для власти, и для большинства современников понятие «гражданин» не было символом противостояния абсолютизму. Этот термин часто употреблялся с тем, чтобы акцентировать не только существование всеобщей зависимости подданных от престола, но и наличие так называемых горизонтальных отношений между жителями империи, которые в данном случае именовались «согражданами». Так, собравшиеся для составления нового Уложения депутаты, с одной стороны, «представляли всех Ее Величества верно-подданных», а с другой — были «избраны от сограждан»⁵. В книге «О должностях человека и гражданина» непосредственно указывалось, что «подданный» имеет обязанности перед государством, а «гражда-

¹ О должностях человека и гражданина. С. 347. В этом контексте показано сравнение текста данного вольного переложения работы Пуффендорфа и оригинала философского трактата немецкого мыслителя. В частности, в главе «Обязанности граждан» Пуффендорф пишет не о полном подчинении подданных самодержавию, которому доступно исключительное знание о сущности «гражданского общества», а об обязанностях гражданина или «подданного гражданской власти» в равной степени и перед государством и его правителями, и по отношению к другим «согражданам». См.: Pufendorf S. *De Officio Hominis Et Civis Juxta Legem Naturalem Libri Duo*. NY, 1927. P. 144–146.

² См., напр.: ПСЗ. Т. XXIII. № 17090. С. 390.

³ См.: Там же. Т. XX. № 14271. С. 74.

⁴ Новиков Н. И. Избранные сочинения. М.; Л., 1954. С. 616–617. В журнале «Трутенъ» Новиков также утверждал, что «добросердечный сочинитель» «хвалит сына отчества, пылающего любовью и верностью к государю, изображает миролюбивого гражданина». См.: Там же. С. 44.

⁵ См., напр.: «Акт, подписанный Департаментами, избранными от всех званий Российского народа, к сочинению нового Уложения» // ПСЗ. Т. XVIII. № 12978. С. 349–355. Для сравнения можно привести слова Ж.-Ж. Руссо, который в трактате «Об Общественном договоре или Принципы политического права» писал, что все жители того или иного государства «в совокупности получают имя народа, а в отдельности называются гражданами как участвующие в верховной власти и подданными как подчиняющиеся законам Государства». См.: Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 162.

нин» перед «другими согражданами», «державствующие» же защищают «своих подданных» «от внешних неприятелей и от обид других сограждан»¹.

В это время в другой части Европы происходили принципиально иные процессы, также нашедшие свое отражение в языке. По меткому выражению Жозефа Шенье и Бенжамена Констана, «пять миллионов французов умерли для того, чтобы не быть подданными»². Во время Французской революции термин «гражданин» становится самым употребительным, полностью вытеснив понятие «подданный» не только из сферы законодательства, но даже из практики повседневных обращений. *Sujet, monsieur, madame* превратились в *citoyen* и *citoyenne*. В 1797 г. историк и публицист Жозеф де Местр, явно не сочувствовавший драматическим событиям в восставшем Париже, писал: «Слово *гражданин* существовало во французском языке даже до того, как Революция завладела им, дабы его обесчестить, слово, которое не может быть переведено на другие европейские языки... Луи Расин... адресовал королю Франции эту прекрасную строфу:

При короле-гражданине
каждый гражданин — король.

Дабы восхвалить патриотизм француза, говорили: *это великий гражданин*. Напрасны были старания переложить это выражение на другие наши языки; выражения *gross bürger* — на немецком, *gran cittadino* — на итальянском вряд ли будут удовлетворительны»³. Автор отказывает революции в стремительном наполнении понятия «гражданин» новыми смыслами и клеймит «нелепое замечание» Руссо о значении этого слова во французском языке. На самом же деле знаменитый философ в трактате 1752 г. «Об общественном договоре» провел своеобразный семантический анализ понятия «гражданин» и тонко уловил главное направление эволюции его содержания. «Истинный смысл этого слова почти совсем стерся для людей новых времен, — пишет Руссо, — большинство принимает город за Гражданскую общину, а горожанина за гражданина... Я не читал, чтобы подданному какого-либо государя давали титул *civis*. ...Одни французы совершенно запросто называют себя *гражданами*, потому что у них нет, как это видно из их словарей, никакого представления о действительном смысле этого слова; не будь этого, они, незаконно присваивая себе это имя, были бы повинны в оскорблении величества. У них это слово означает добродетель, а не право»⁴.

¹ О должностях человека и гражданина. С. 349.

² См.: Лабулэ Э. Политические идеи Бенжамена Констана. М., 1905. С. 70–77.

³ Местр Ж. Рассуждения о Франции. М., 1997. С. 105–106.

⁴ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. С. 161–162.

Таким образом, Руссо указал на единый семантический корень понятий «горожанин» и «гражданин». Затем философ выявил постепенное наполнение последнего термина новым содержанием, отражающим усложнение взаимоотношений власти и личности в XVIII столетии, и, наконец, отметил присутствие в современном ему понимании слова «гражданин» двух смыслов — добродетель и право. Позже, во время Французской революции, «правовая составляющая» полностью восторжествует, потеснив «добродетель» и окончательно уничтожив понятие «подданный» в политическом языке революционного Парижа. Сходные, правда, не столь радикальные лексические процессы происходили и в немецком языке. Уже в раннее Новое время двоякое значение понятия «Bürger» было зафиксировано в двух терминах с одинаковой корневой основой — «Stadtbürger», что означало собственно «горожанин», и «Staatsbürger», иначе говоря, «член государства» или «Staatsangehörige». Понятия «Staatsbürger» и «Staatsangehörige», а также наименование жителей немецких земель в соответствии с их национальностями (баденец, баварец, пруссак и т. п.) постепенно вытесняли понятие «Untertan» («подданный»)¹.

Принципиальное отличие русской официальной политической терминологии последней трети XVIII в. заключалось не только в безоговорочной монополии слова «подданный» для определения реальных отношений личности и самодержавной власти. Специфика социальной структуры русского общества, практически лишенного «третьего сословия» в его европейском понимании, отразилась и на эволюции понятия «гражданин», которое, теряя свое первоначальное значение «горожанин», наполнялось исключительно государственно-правовым или нравственно-этическим смыслом и не отягощалось этимологической связью с наименованием класса «буржуа». Во французском и немецком языках необходимо было четко разграничить образ набирающих силу «Bürger» и «bourgeois», которые оспаривали привилегии аристократии и составляли главную деятельную и интеллектуальную часть городского населения, и «жителя свободного государства». Показательно, что в первом издании французского академического словаря понятия «citoyen» и «bourgeois» практически сливались — «citoyen — bourgeois, habitant d'une cité»². В пятом издании 1798 г. появляется развернутое определение — «имя гражданин («citoyen») в точном смыс-

¹ См. об этом подробнее: Bürger, Staatsbürger, Bürgertum // *Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*. Stuttgart, 1972. Bd. I. S. 672–725; Bürger/Bürgertum // *Lexikon der Aufklärung. Deutschland und Europa*. München, 1995. S. 70–72. Характерно, что в норвежском законодательстве XVIII — начала XIX в., употреблялся термин «гражданин», когда речь шла о правах личности, и «подданный», когда акцентировались ее обязанности перед государством.

² *Le Dictionnaire de l'Académie française dédié au Roy*. Paris, 1694. P. 193.

ле слова дается жителю города, жителю свободного государства, имеющему право выбора в публичные собрания и являющемуся представителем высшей власти¹. В России второй половины XVIII в. слово «буржуа» практически не употреблялось, а понятие «гражданин» наиболее активно использовалось самой «просвещенной императрицей», связывалось с правами некоего абстрактного подданного «благочужденного государства» «Наказа» и имело назидательный смысл. Права «гражданина», заявленные на страницах высочайшей публицистики, ограничивались лишь сферой имущества и безопасности, абсолютно не затрагивая область политики. При этом не реже, чем о правах, упоминалось об обязанностях «истинного гражданина», которые ничем не отличались от обязанностей «истинного подданного».

В таких документах, как «Генеральный план Московского Воспитательного дома», а также высочайше утвержденный доклад И. И. Бецкого «О воспитании юношества», основные идеи которого были практически дословно воспроизведены в XIV-й главе «Наказа» «О воспитании», заявлялось, что «Петр Великий создал в России людей: [императрица Екатерина II] влагает в них души». Иными словами, престол второй половины XVIII в. разрабатывал «правила, приуготовляющие» быть «желаемыми гражданами» или «прямыми отечеству подданными», что полностью отождествлялось. Наименование «новых граждан» и «истинных подданных» означало высокий порог ожиданий власти, что предполагало «любовь к отечеству», «почтение к установленным гражданским законам», «трудолюбие», «учтивость», «отвращение от всяких предерзостей», «склонность к опрятности и чистоте». На «полезных членов общества» налагалась обязанность «паче прочих подданных исполнять Августейшую волю». Определенная политическая зрелость и приверженность «общему благу» должна была проявляться у «гражданина» в ясном понимании необходимости сильного самодержавного правления или «нужды иметь Государя»². Так объективная экономическая потребность России в ведущей роли государственной власти и способность ее осознания трансформирова-

¹ «Le nom de Citoyen, dans une acception stricte et rigoureuse, se donne à l'habitant d'une Cité, d'un État libre, qui a droit de suffrage dans les Assemblées publiques, et fait partie du Souverain» (Dictionnaire de l'Académie françoise. Paris, 1798. P. 247, 767). См. об этом также: Wild R. Stadtkultur, Bildungswesen und Aufklärungsgesellschaften // Hansers Sozialgeschichte der deutschen Literatur vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Bd. 3: Deutsche Aufklärung bis zur Französischen Revolution 1680–1789. München, 1980. S. 103–132, 845–848.

² См.: Наказ императрицы Екатерины II. С. 103–105; ПСЗ. Т. XVI. № 11908. С. 346, 348, 350; № 12103. С. 670; Т. XVIII. № 12957. С. 290–325; О должностях человека и гражданина. С. 349. Ср.: Pufendorf S. De Officio Hominis Et Civis Juxta Legem Naturalem Libri Duo. P. 115–118, 123–126, 152–154.

лись в официальной идеологии в высшую добродетель «гражданина» и «подданного».

В крепостнической России эталонными заданными властью чертами «истинного гражданина» обладала прежде всего элита дворянства. Податное население исключалось из разряда «*hominess politici*» и к «гражданам» не причислялось. Еще в 1741 г. при вступлении императрицы Елизаветы Петровны на престол «пашенные крестьяне» были исключены из числа лиц, обязанных приносить присягу монарху. С этого момента они как бы признавались подданными не государства, а своих душевладельцев¹. Подкрепленное законом официальное мнение о политической недееспособности крепостных было доминирующим в среде дворян, воспринимающих крестьянство в первую очередь как рабочую силу, источник дохода, живую собственность. И если в идеологически направленных манифестах престола еще встречались обобщенные термины «народ», «нация», «подданные», «граждане», за которыми угадывался идеальный образ всего населения империи, то в таком документе повседневности, как переписка, наименование крестьянства ограничивалось следующими понятиями: «души», «подлое сословие», «простой народ», «чернь», «поселяне», «мужики», «мои люди». Крестьян обменивали, отдавали в солдаты, переселяли, разлучали с семьей, продавали и покупали «хороших и недорогих кучера и садовника», как строевой лес или лошадей². «Здесь за людей очень хорошо платят, — сообщал в одном из писем жене малороссийский помещик Г. А. Полетико, — за одного человека, годного в солдаты, дают по 300 и по 400 рублей»³.

При этом определения «подлое сословие» и «чернь» далеко не всегда носили резко негативный уничижительный характер, часто этимологически были связаны с понятиями «черные слободы», «простой», «податной» и отражали веками складывающееся представление об изначально определенном положении каждого в системе социальной иерархии. В одном из частных писем М. И. Воронцов обращался к канцлеру Н. И. Панину: «Прошу вас исходатайствовать от Ее Императорского Величества некоторое награждение хотя подлому, однако же исправно служившему человеку»⁴. «Худые, никем не обитаемые, кроме мужиков, деревни», «тяготы крепостных» были для помещика

¹ См.: ПСЗ. Т. XI. № 8474. С. 538–541; № 8577. С. 624–625; № 8655. С. 708–709; Т. XV. № 10855. С. 236–237; № 11166. С. 582–584.; № 11204. С. 649–650 и др.

² См., напр.: Письмо Г. А. Полетико жене. 1777 г. // Киевская старина. 1893. Т. 41. № 5. С. 211; письмо Е. Р. Дашковой Р. И. Воронцову. 1782 г. // Архив князя Воронцова. М., 1880. Кн. 24. С. 141.

³ Письмо Г. А. Полетико жене. 1777 г. С. 211.

⁴ Письмо М. И. Воронцова Н. И. Панину // Архив князя Воронцова. М., 1882. Кн. 26. С. 75.

привычными с детства картинами жизни людей, которым такая доля «по их состоянию определена»¹. Так причудливо трансформировалась в сознании дворянина объективная неизбежность существования и даже усиления крепостничества с его жесточайшим «режимом выживания барщинной деревни»².

В сознании российского образованного дворянства, составляющего неотъемлемую часть европейской элиты, и самой «просвещенной» императрицы возникала внутренняя потребность так или иначе примирить гуманитарные идеи второй половины XVIII столетия и неумолимую реальность, при которой 90% населения страны относилось к «низкому податному сословию». Еще будучи великой княгиней Екатерина писала: «Противно христианской вере и справедливости делать невольниками людей (они все рождаются свободными). Один Собор освободил всех крестьян (прежних крепостных) в Германии, Франции, Испании и пр. Осуществлением такой решительной меры, конечно, нельзя будет заслужить любви землевладельцев, исполненных упрямства и предрассудков»³. Позже императрица поймет, что речь шла не о злой воле, не о патологической склонности к угнетению и не об «упрямстве и предрассудках» русских помещиков. Отмена крепостничества в России второй половины XVIII в. была объективно экономически невозможна.

Это обстоятельство усиливалось в сознании дворянина уверенностью в полной психологической и интеллектуальной неготовности крепостных приобрести «звание свободных граждан». Так, в документах Московского воспитательного дома непосредственно заявлялось, что «рожденные в рабстве имеют поверженный дух», «невежественны» и склонны к «двум мерзким, в простом народе столь сильно вкоренившимся порокам — пьянству и праздности»⁴. И. И. Бецкой предупреждал Опекунский совет, что «крестьянские невольнические работы губят навеки воспитанников» и «надлежит как можно стараться, чтоб из них не сделать грубыми чувствами наполненных и рабствующих крестьян»⁵. Все углубляющийся раскол российского общества на тонкий слой европеизированной элиты и крестьянскую массу

¹ См., напр.: письмо В. В. Капниста жене. 1788 г. // Капнист В. В. Собр. соч. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 314; Письмо Е. Р. Дашковой Александру Б. Куракину. 1774 г. // Архив князя Ф. А. Куракина. Саратов, 1898. Кн. 7. С. 304.

² См. об этом: Милов Л. В. Общее и особенное русского феодализма (постановка проблемы) // История СССР. 1989. № 2. С. 42, 50, 62; Он же. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 425–429, 430–433, 549–550, 563–564; и др.

³ Собственноручные заметки Великой княгини Екатерины Алексеевны // Сб. РИО. 1871. Т. 7. С. 84.

⁴ См.: ПСЗ. Т. XVIII. № 12957. С. 290–325.

⁵ Письмо И. И. Бецкого в Опекунский совет. 1784 г. // Русская старина. 1873. № 11. С. 714–715.

привел к тому, что подавляющая часть дворянской верхушки была психологически не способна увидеть «своих сограждан» в «грубых, глупых, пьяных и ленивых мужиках»¹. «Свирепые нравы» «невежественного народа», «волнование толпы» и, конечно же, «злодейства государственного бунтовщика Пугачева» поселили страх в сознании дворянина за свое положение, за среду обитания, за свою высокородную элитарную культуру. С точки зрения привилегированного слоя, «низшее сословие» могло существовать только под жестким и мудрым покровительством помещика, и освободить эту «немысленную чернь» означало «выпустить на волю диких зверей»². Дворянин был искренне убежден, что разрушение общественного порядка и цепей, связующих общество, невозможно было без изменения сознания самого крестьянина. «Свободному ли [быть] крепостному? — рассуждал: А. П. Сумароков, — а прежде надобно спросить: потребна ли ради общего благоденствия крепостным людям свобода?»³. В анонимной статье «Беседа о том, что есть сын Отечества», которая не совсем аргументированно довольно долго приписывалась А. Н. Радищеву⁴, образ «сына Отечества» отождествлялся с образом «патриота», который «страшится заразить соки благосостояния своих сограждан [и] пламенеет нежнейшею любовью к целостности и спокойствию своих соотечичей». Эти возвышающие наименования никак не связывались с правами человека, наполнялись исключительно этическим смыслом и сужали круг обязанностей «сына Отечества», «патриота» и «гражданина» до соответствия конкретным нравственным качествам. Ошибка, которую с точки зрения Руссо, допускали в середине XVIII столетия французы, усматривая в понятии «гражданин» не претензию на политическую свободу, а добродетель⁵, была характерна для созна-

¹ Так, напр., рассуждая о нравах прошлых веков, А. М. Кутузов заявлял Н. Н. Трубецкому: «Но оставим сих грубых невежд; нечто подобное сему видим мы ныне токмо между некоторыми крестьянами». См.: Письмо А. М. Кутузова Н. Н. Трубецкому. 1790 г. // Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века. 1780–1792 гг. Пг., 1915. С. 71.

² См. также, напр., переписку представителей высшего сословия о Пугачевском бунте: Письма П. И. Панина Н. И. Панину. 1774 г. // Русский архив. 1876. Кн. II. № 5–8. С. 10–28; Письма А. И. Бибикова Д. И. Фонвизину. 1774 г. // Бибиков А. А. Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикова. М., 1865. С. 76 (приложение); и др.

³ Цит. по: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. XIV. Т. 27–28. С. 102.

⁴ Многие литературоведы полагали, что статья принадлежит перу А. Н. Радищева. Однако, на мой взгляд, автором статьи следует считать близкого к масонским кругам современника писателя. См. об этом: Западов В. А. Был ли Радищев автором «Беседы о том, что есть сын Отечества»? // XVIII век. Сб. статей. СПб., 1993. С. 131–155.

⁵ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. С. 161–162.

ния российского высшего сословия, а, может быть, и в целом для мировоззрения века Просвещения. Автор статьи искренне полагал, что «сын Отечества» является и «сыном Монархии», «повинуется законам и блюстителям оных, придерживающим властям и ... Государю», который «есть Отец Народа». «Сей истинный гражданин» «сияет в Обществе разумом и Добродетелью», избегает «любоострастия, обжорства, пьянства, щегольской науки» и «не соделывает голову свою мучным магазином, брови вместилищем сажи, щеки коробками белил и сурика». Выражая полное единодушие со взглядом власти на «низшее сословие» и с отношением помещиков к «своей крещеной собственности», автор статьи не сомневался, что те, «кои уподоблены тяглому скоту ... не суть члены Государства»¹.

Таким образом, в развитии политической терминологии русского языка второй половины XVIII в. запечатлелся еще один парадокс — понятия «гражданин», «сын Отечества», «член Государства» становились нравственным оправданием существования крепостничества. В одной из наиболее переработанных императрицей и отступающих от западноевропейских источников XI главе «Наказа» говорилось: «Гражданское общество требует известного порядка. Надлежит тут быть одним, которые правят и повелевают, а другим — которые повинуются. И сие есть начало всякого рода покорности»². Все, что мог сделать «истинный гражданин» для несчастных, погруженных «во мрачность варварства, зверства и рабства», — это «не терзать [их] насиліем, гонением, притеснением»³. Подобная позиция не только и не столько соответствовала гуманитарным идеям, но и отвечала обычному здравому смыслу. Не случайно Екатерина писала Дидро: «Каких-либо определенных условий между господами и крестьянами не существует, но каждый хозяин, обладающий здравым смыслом, старается обходиться со своей коровой бережно, не истощать ее и не требовать от нее чрезмерного удою»⁴. Е. Р. Дашкова также упоминала в своих «Записках»: «Благосостояние наших крестьян увеличивает и наши доходы; следовательно, надо быть сумасшедшим, чтобы самому иссушить источник собственных доходов»⁵.

Итак, понятийный анализ официальных и личных источников обнаружил запечатленные в лексике скрытые метаморфозы отношений власти и личности в России XVIII столетия, которые не всегда просматриваются с подобной очевидностью при использовании иных приемов анализа текстов. «Холопы», «сироты» и «богомольцы» XVII в.

¹ См.: Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Он же. ПСС. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 215–223.

² Наказ императрицы Екатерины II. С. 74.

³ См.: Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. С. 218–219.

⁴ Цит. по: Дидро Дени. Собр. соч. М., 1947. Т. X. С. 363.

⁵ Дашкова Е. Р. Литературные сочинения. М., 1990. С. 118.

в 1703 г. по воле Петра I все поголовно стали «нижайшими рабами», а в 1786 г. в соответствии с указом императрицы Екатерины II были названы «верными подданными». Это новое наименование использовалось самодержавием как орудие воздействия на сознание населения исторического ядра империи и жителей присоединяемых территорий, которые для престола превратились в «новых подданных», а для «древних, старых подданных» в «любезных сограждан». В реальной политической практике власть никого не удостоивала именем «гражданина», используя это понятие лишь для создания абстрактного образа «Наказа» и книги «О должностях человека и гражданина». Но даже на страницах высочайшей публицистики некий умозрительный «гражданин» наделялся не правами, а обязанностями и добродетелями, которые носили назидательных характер и ничем не отличались от обязанностей и добродетелей «верного подданного». Ассоциации понятия «гражданин» с республиканской формой правления не слишком волновали власть, когда речь шла об архаике Древней Греции и республиканского Рима, а также о «гражданах республики Польской», которых доблестные войска императрицы избавили от анархии. Но «обезумевшие» «граждане» восставшего Парижа глубоко возмутили самодержавный престол, и Павлу I понадобился специальный указ, чтобы ввести неуютное слово в его прежнее семантическое русло — в 1800 г. под «гражданами» было приказано подразумевать, как в старые времена, «горожан». Между тем в России последней трети XVIII в. не только понятие «гражданин», но даже понятие «подданный» было достаточно абстрактным и собирательным. «Новые подданные», которым обещались права и преимущества «древних», очень скоро их получили, правда, эти права в действительности оказались для большинства усилившейся зависимостью, а 90% самих «древних подданных» на практике обычно именовались не «подданными», а «душами» и «низших сословием».

Обращает на себя внимание тот факт, что согласно указу 1786 г. термин «подданный» в качестве подписи становится обязательным лишь для определенного вида посланий на имя императрицы, а именно, для реляций, донесений, писем, а также присяжных листов и патентов. Формуляр жалобниц или прошений, исключающий слово «раб», в то же время не предполагал этикетной формы «подданный», «верноподданный» и был ограничен нейтральной концовкой «приносит жалобу или просит имярек». А если учесть происходящее на протяжении XVIII в. стремительное сужение привилегированного слоя, представители которого имели реальное право адресовать свои послания непосредственно императрице, то станет очевидно, что собственно «подданными» власть признавала очень избранную группу людей.

Верхушка дворянства, которой собственно и было даровано право именоваться «подданными», пользоваться этим правом, однако, не торопилась. Некоторые же представители образованной элиты вооб-

ще осмелились противопоставить понятие «подданный» понятию «гражданин» и превратить данное противопоставление в орудие политического дискурса. За несколько лет до указа Екатерины о запрещении упоминать слово «раб» в посланиях на высочайшее имя и обязательной замене его на слово «подданный» в проекте Н. И. Панина «О фундаментальных законах», который сохранился в записи его друга и единомышленника Дениса Фонвизина, говорилось: «Где же произвол одного есть закон верховный, тамо прочная общая связь и существовать не может; тамо есть Государство, но нет Отечества; есть подданные, но нет граждан, нет того политического тела, которого члены соединялись бы узлом взаимных прав и должностей»¹. Приведенные слова канцлера Панина и писателя Фонвизина являются одним из первых случаев употребления прямой антитезы «подданный»—«гражданин». В этом политическом трактате смысловое содержание слова «гражданин» конфликтно сталкивалось и с такими антонимами, как «раб», «деспот», «пристрастное покровительство», «злоупотребления власти», «прихоть», а также углублялось с помощью синонимического ряда, включающего понятия «закон», «благородное любочестие», «прямая политическая вольность нации», «свободный человек». Таким образом, в общественном сознании второй половины XVIII в. постепенно складывалась иная, альтернативная официальной, трактовка слова «гражданин», в котором высшая политическая элита дворянства начинала видеть человека, защищенного законом от своеволия самодержца и его личных высочайших прикастов. Спустя несколько лет после появления проектов Панина—Фонвизина новый канцлер А. А. Безбородко напишет: «Да истребятся все способы потаенные и где кровь человека и гражданина угнетается вопреки законов»².

В то же время «гражданин» наделялся не только сугубо нравственными добродетелями, свидетельствующими, в частности, о его чистоплотности или целомудрии. Мыслящий дворянин ожидал от «истинного гражданина», коим почитал и себя, определенной политической зрелости и чувства личной ответственности за Отечество, но не за самодержавное государство. Не случайно в проекте Панина—Фонвизина отчетливо прозвучало мнение, что понятие «Отечество» не исчерпывается образом абсолютной монархии Екатерины. Вспоминания о конфликте императрицы и частного издателя, мыслителя и розенкрейцера Новикова, Н. М. Карамзин писал: «Новиков как гражда-

¹ Письма с приложениями графов Никиты и Петра Ивановичей Паниных блаженной памяти к Государю Императору Павлу Петровичу // Император Павел I. Жизнь и царствование / Сост. Е. С. Шумигорский. СПб., 1907. С. 4.

² Записка князя Безбородко о потребностях империи Российской // Русский архив. 1877. Кн. I. № 3. С. 297—300.

нин, полезный своею деятельностью, заслуживал общественную признательность; Новиков как теософический мечтатель по крайней мере не заслуживал темницы»¹. Наконец, в текстах некоторых представителей дворянской элиты понятие «гражданин» сопоставлялось с понятием «человек». Следуя за взглядами Руссо «о переходе от состояния естественного к состоянию гражданскому»², Радищев полагал, что «человек родится в мир равен во всем другому», соответственно «государство, где две трети граждан лишены гражданского звания, и частию в законе мертвы» не может называться «блаженными» — «земледельцы и доднесь между нами рабы; мы в них не познаем сограждан нам равных, забыли в них человека»³.

Следует отметить, что в целом понятие «гражданин» довольно редко употреблялось в художественных произведениях и публицистике второй половины XVIII столетия, а в частной переписке и вовсе почти не встречалось. Как ни странно, наибольшей популярностью этот термин пользовался у «просвещенной императрицы». В рамках же всего комплекса привлеченных к работе текстов⁴ понятие «гражданин» употреблялось не спорадически, а для целенаправленной характеристики отношений личности и государства лишь в проектах Панина—Фонвизина и «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева. В первом случае «гражданин» становился символом монархии, где престол окружают не фавориты, а защищенная законом государственная элита, во втором же — право на политическую дееспособность признавалось и за крепостным, имеющим «одинакое от природы сложение»⁵. Данные идеи нельзя признать уникальными и существующими лишь в сознании упомянутых авторов — подобные мысли были весьма характерны для оппозиционно настроенного дворянства, однако далеко не всегда выражались с помощью терми-

¹ Карамзин Н. М. Записка о Н. И. Новикове // Он же. Избранные сочинения в двух томах. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 232. Фонвизин упоминал в письмах к П. И. Панину о «патриотических» чувствах «истинного гражданина», всем сердцем радующего за военные победы России: «Патриотические о мире рассуждения ваши, милостивый государь, конечно, не найдут противоречия ни от кого из истинных граждан. Ваше сиятельство [...] имеете причины радоваться тому, что все уже устроено к трактованию о мире». См.: Письмо Д. И. Фонвизина П. И. Панину. 1772 г., май // Фонвизин Д. И. Собр. соч. в двух томах. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 383.

² Руссо Ж.-Ж. Трактаты. С. 164.

³ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. С. 227, 248, 279, 293, 313–315, 323 др.

⁴ Источниковая база работы включает более 3 тыс. писем дворянства, около 50 художественных и публицистических произведений XVIII столетия, а также все законодательные акты, опубликованные в ПСЗ Российской империи, и несколько сотен архивных текстов.

⁵ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. С. 314.

на «гражданин»¹. Так М. Н. Муравьев, показывая свое отношение к крестьянину, использовал антитезу «простой»—«знатный»: «В тот же самый день простой крестьянин внушил в меня почтение, когда я взирал с презрением на знатного, недостойного своей породы. Я почувствовал всю силу *личного достоинства*. Оно одно принадлежит человеку и возвышает всякое состояние»². И даже Фонвизин в собственных литературных произведениях довольно редко обращался к понятию «гражданин», которое вообще не встречается в его «Опыте российского словника», а в размышлениях о положении крепостных используются другие термины: «Человек бывает *низок* состоянием, а *подл* душою. В *низком* состоянии можно иметь благороднейшую душу, равно как и весьма большой барин может быть весьма *подлый* человек. Слово *низость* принадлежит к состоянию, а *подлость* к поведению»³.

Действительно, русская фронда периода правления Екатерины II не собиралась умирать за республику, конституцию и право вместе с собственными крестьянами «именоваться гражданами»: представители самоопределяющейся дворянской культуры даже к дарованной им привилегии подписываться в посланиях императрице «подданный», а не «раб», отнеслись прохладно. Самодержавие в России второй половины XVIII в. будет ограничено не «гражданином», требующим гарантированных законом прав, а личностью с независимой духовной жизнью, и не в области политики, а в сфере внутреннего мира фрондирующего дворянина. Начавшееся ослабление союза образованной элиты и государства применительно к данному периоду проявится на уровне оценочных реакций и терминологических предпочтений. Преодоление непререкаемого авторитета самодержавного правления будет заключаться в поиске иных сфер реализации личности, относительно независимых от имперского аппарата, престола, светской массы. Наиболее думающая и остро чувствующая часть интеллектуалов отдастся от верховной власти и все более настойчиво будет пытаться осуществить себя на социальной периферии, удаленной от эпицентра действия официальных ценностей. Этот по-своему уникальный для

¹ Напр., Новиков не случайно выбрал в качестве эпиграфа своего журнала «Трутенъ» слова: «Они работают, а вы их хлеб едите». В 1773 г. он заметил в одном из писем: «Хлеб... нужнейшая вещь для продолжения человеческой жизни, вот истинное... всего государства богатство». См.: Письмо Н. И. Новикова Г. В. Козицкому. 1773 г., май // Письма Н. И. Новикова. С. 7. Однако в своих размышлениях к понятию «гражданин» он не прибегал практически никогда.

² Муравьев М. Н. Обитатель предместья // Он же. ПСС. СПб., 1819. Т. 1. С. 101.

³ Фонвизин Д. И. Опыт российского словника // Он же. Собр. соч. в двух томах. М.; Л., 1959. Т. 1. С. 225–226.

европейской истории процесс, в силу неоднозначности проявлений приобретший в литературе целый репертуар наименований — возникновение общественного мнения, самоопределение интеллектуальной аристократии, эмансипация культуры, формирование интеллигенции¹, — начнется уже в царствование Елизаветы и завершится в первой половине XIX столетия. Суть его была парадоксально сформулирована Ломоносовым, а спустя несколько десятилетий воспроизведена Пушкиным. В 1761 г. ученый заявил блистательному вельможе И. И. Шувалову: «Не токмо у стола знатных господ, или у каких земных владетелей дураком быть не хочу; но ниже у самого господ Бога, который мне дал смысл, пока разве отнимет». В дневнике же 1833–1835 гг. А. С. Пушкин запишет: «Но я могу быть подданным, даже рабом, — но холопом и шутком не буду и у царя небесного»².

¹ См., напр., об этом: Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994; Smith D. Working the Rough Stone: freemasonry and Society in Eighteenth-Century Russia. DeKalb., 1999. P. 53–90; Wirtschafter E. The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater. DeKalb., 2003; и др.

² Цит. по: Пушкин А. С. Дневники, записки. СПб., 1995. С. 40, 238.